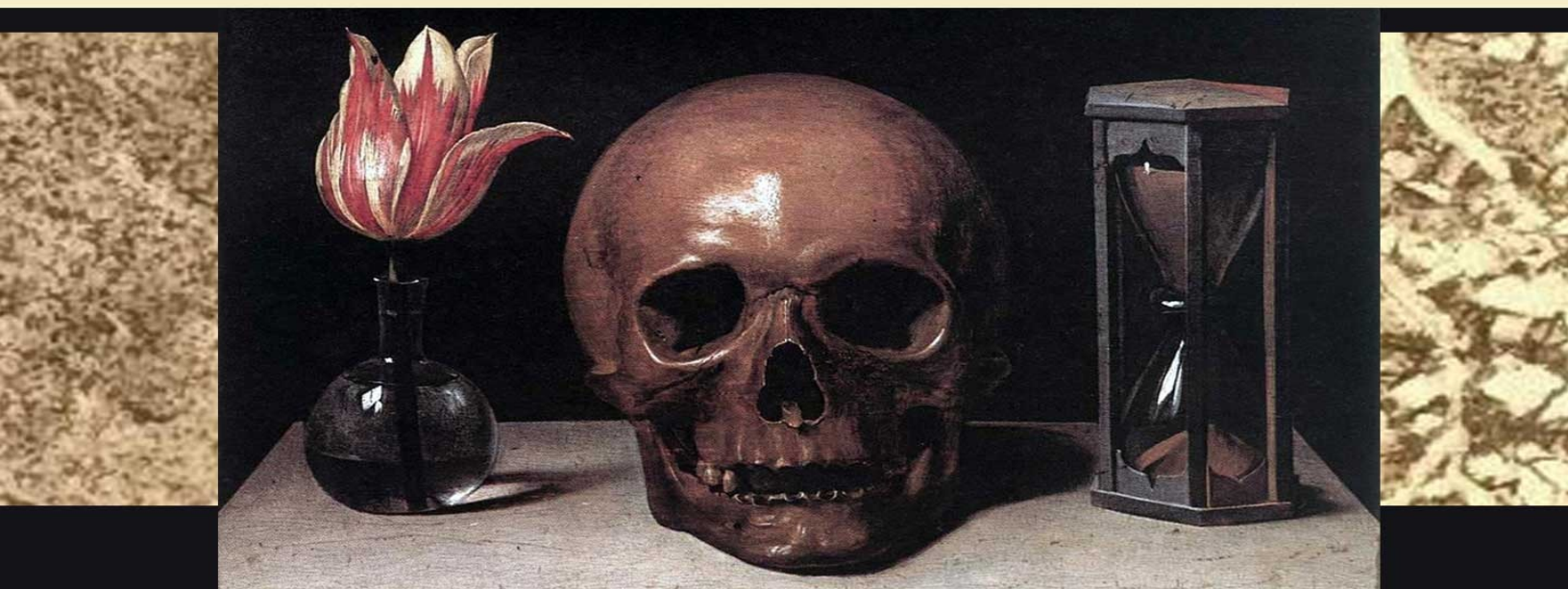

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ЗОЛОТОЙ
ЖУК

Annotation

«Золотой жук» – приключенческое произведение классика американской литературы Эдгара Аллана По (англ. Edgar Allan Poe, 1809-1849). *** Спрятанное сокровище охраняет надежный шифр. Но один из героев сумел определить местонахождение клада... Эдгар По также известен как автор многочисленных рассказов. Среди них «Бочка амонтильядо», «Тень», «Падение дома Эшер», «Поместье Арнгейм», «Свидание», а также стихотворения «Ворон» и «Линор». Эдгара Аллана По считают одним из самых ярких представителей американского романтизма. Создатель современной формы мистического детектива, он завоевал признание читателей готической атмосферностью и психологизмом своих произведений.

- [Эдгар Аллан По](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Эдгар Аллан По Золотой жук

*Хо! хо! Он пляшет как безумный!
Тарантул укусил его.*

«Все ошибаются»

Несколько лет тому назад я сблизился с неким мистером Вильямом Леграном. Он происходил из старой гугенотской семьи, и некогда был богат; но ряд злоключений привел его к нищете. Дабы избежать унижений, следствующих за разорением, он покинул Новый Орлеан, город своих предков, и поселился на острове Сэлливана, близ Чарльстона в Южной Каролине.

Остров этот весьма особенный. Почти весь он состоит из морского песку и имеет приблизительно около трех миль в длину, ширина его нигде не достигает более четверти мили. От материка он отделен еле заметной бухточкой, которая прокладывает себе путь, просачиваясь сквозь ил и глухие заросли камыша, обычное местопребывание болотных курочек. Растительность здесь, как и можно было бы предполагать, скудная или, во всяком случае, карликовая. Нет там деревьев сколько-нибудь значительной величины. На западной окраине, там, где находится крепость Моультри и несколько жалких деревянных строений, обитаемых в течении лета беглецами из Чарльстона, укрывающимися от пыли и лихорадок, можно встретить колючую пальмочку; но весь остров, за исключением этого западного пункта и линии сурового белого побережья, покрыт густыми зарослями душистой мирты, столь ценимой английскими садоводами. Кустарник часто достигает здесь вышины пятнадцати-двадцати футов, и образует поросль, почти непроницаемую, и наполняющую воздух пряным своим ароматом.

В самой глубине этой чащи, недалеко от восточной окраины острова, т. е. самой отдаленной, Легран собственноручно построил себе маленькую хижину, в которой он жил, когда впервые, совершенно случайно, я познакомился с ним. Это знакомство вскоре выросло в дружбу – так как, без сомнения, в этом отшельнике было что-то, что могло возбудить интерес и уважение. Я увидел, что он был хорошо воспитан, обладал необычными силами ума, но заражен был человеконенавистничеством и подвержен болезненным сменам восторга и меланхолии. У него было с собой много книг, но он редко пользовался ими. Его главным развлечением было охотиться и ловить рыбу, или бродить вдоль бухты и среди миртовых зарослей в поисках раковин и энтомологических образцов; его коллекции этих последних мог бы позавидовать всякий Сваммердам. В этих экскурсиях его обыкновенно сопровождал старый негр, прозывавшийся Юпитером, который был отпущен на свободу раньше злополучного переворота в семье, но ни угрозы, ни обещания не могли заставить его отказаться от того, что он почитал своим правом – по пятам следовать всюду за своим юным «массой Виллем»^[1]. Вполне вероятно, что родственники Леграна, считавшие его немного тронутым, согласились примириться с упрямством Юпитера, имея в виду оставить его как бы стражем и надсмотрщиком за беглецом. На той широте, где лежит остров Сэлливана, зимы редко бывают суровыми, и даже на исходе года это – редкое событие, что возникает необходимость топить. Однако, около середины октября 18... года выдался день необычайно холодный. Перед самым закатом солнца я пробирался сквозь вечнозеленую чащу к хижине моего друга, которого не видал уже несколько недель. Я обитал в то время в

Чарльстоне, в девяти милях от острова, и путь туда и обратно был сопряжен с меньшими удобствами, чем в настоящее время. Подойдя к хижине, я постучался, как обыкновенно, и, не получая ответа, стал искать ключ там, где, как я знал, он был спрятан, потом отпер дверь и вошел. Яркий огонь пылал в очаге. Это было неожиданностью и отнюдь не неприятной. Я сбросил пальто, придвинул кресло к потрескивающим дровам и стал терпеливо дожидаться прибытия моих хозяев.

Они пришли вскоре после наступления сумерек и встретили меня самым радушным образом. Юпитер, смеясь и раскрывая рот до ушей, хлопотал над изготовлением болотных курочек к ужину. Легран находился в одном из своих припадков, – как иначе могу я назвать это? – восторженности. Он нашел неведомую двустворчатую раковину, образующую новый род, и, еще лучше того, с помощью Юпитера он выследил и изловил жука, скарабея, который, как он утверждал, был неведом науке, и о котором ему хотелось узнать мое мнение завтра.

– А почему же не сегодня вечером? – спросил я, потирая руки перед огнем и мысленно посылая к черту всю породу жуков.

– Ах, если бы я только знал, что вы здесь! – сказал Легран, – но так много минуло времени, как я не видал вас; разве мог я предвидеть, что из всех ночей вы выберете именно сегодняшнюю, чтобы посетить меня? Возвращаясь домой, я встретил лейтенанта Г., из крепости, и поступил легкомысленно, одолжив ему жука; потому-то вам и не придется увидеть его ранее завтрашнего утра. Оставайтесь здесь эту ночь, а я пошлю за ним Юпитера на восходе солнца. Это самое чудесное, что есть в мироздании!

– Что – восход солнца?

– Да нет же! – нонсенс! – жук! Он блестящего золотого цвета, величины приблизительно с большой орех, с двумя черными, как смоль, пятнышками на одном конце спины, и с пятном еще побольше на другом конце. Усики у него...

– Что там усики, масса Вилль, не в усиках, доложу вам, дело, – прервал его тут Юпитер, – этот жук – золотой жук, из чистого золота, внутри и снаружи, всюду, кроме пятен на спине. Я в жизни своей не видел жука даже и на половину такой тяжести.

– Хорошо, положим, что ты прав, Юпи, – сказал Легран, несколько более серьезно, как мне показалось, чем того требовал случай, – но все же это! не причина, чтобы ты сжег дичь? Достаточно на него взглянуть, – тут он обратился ко мне, – для того, чтобы подтвердить мнение Юпитера. Вы никогда не видали металлического блеска более ослепительного, чем блеск его надкрыльев. Но об этом вы не можете судить до завтра. А пока я

постараюсь дать вам некоторое понятие о его форме.

Говоря это, он уселся за небольшим столом, на котором было перо и чернила, но бумаги не было. Он поискал ее в ящике, но не нашел.

– Не беспокойтесь, – сказал он наконец, – этого будет достаточно, – и он вытащил из жилетного кармана клочок чего-то, что показалось мне куском очень грязного пергамента, и сделал на нем очень грубый набросок пером. Пока он был занят этим, я продолжал сидеть у огня, так как мне все еще было очень холодно. Когда рисунок был окончен, он протянул мне его, не вставая. В то время как я брал его, послышалось громкое рычание, сопровождавшееся царапаньем в дверь. Юпитер открыл ее, и огромная ньюфаундлендская собака, принадлежащая Леграну, ворвалась в комнату, бросилась мне на плечи и стала осыпать меня своими ласками, так как в предыдущие свои посещения я выказал ей много внимания. Когда ее прыжки кончились, я посмотрел на бумагу и, сказать правду, был немало озадачен тем, что нарисовал мой друг.

– Хорошо! – сказал я, после того как смотрел на рисунок в течение нескольких минут, – должен признаться: это престранный скарабей, для меня он совсем новый. Я не видал ничего даже подобного ему – разве только череп, или мертвую голову – на которые он походил более, чем на что-либо другое, что мне случалось наблюдать.

– На мертвую голову! – повторил Легран, как эхо. – О да, конечно, есть что-то в моем рисунке схожее с ней. Два верхних черных пятна смотрят как глаза, да? а более продолговатое, ниже, как рот, правда, – и затем овальная форма.

– Может быть, это так, – сказал я, – но я боюсь, Легран, что вы не художник. Я должен подождать, пока не увижу самого жука, если мне нужно составить какое-нибудь представление о его внешнем виде.

– Хорошо, – сказал он, несколько задетый, – я знаю, что рисую порядочно – по крайней мере, должен был бы неплохо рисовать, так как у меня были хорошие учителя, и я льщу себя надеждой, что был не совсем уж тупоголовым учеником.

– Но, мой милый друг, – сказал я, – вы шутите тогда: это довольно удачный череп, могу сказать даже – превосходный череп, согласующийся с общими представлениями о таких физиологических образцах – и ваш жук был бы самым удивительным из всех жуков в мире, если бы он походил на это. Что же, мы могли бы извлечь из такого намека весьма сердцепипательное суеверие. Я предполагаю, что вы назовете ваше насекомое *Scarabaeus caput hominis*, жук-человеческая голова, или что-нибудь в этом роде. В книгах по естественной истории много подобных

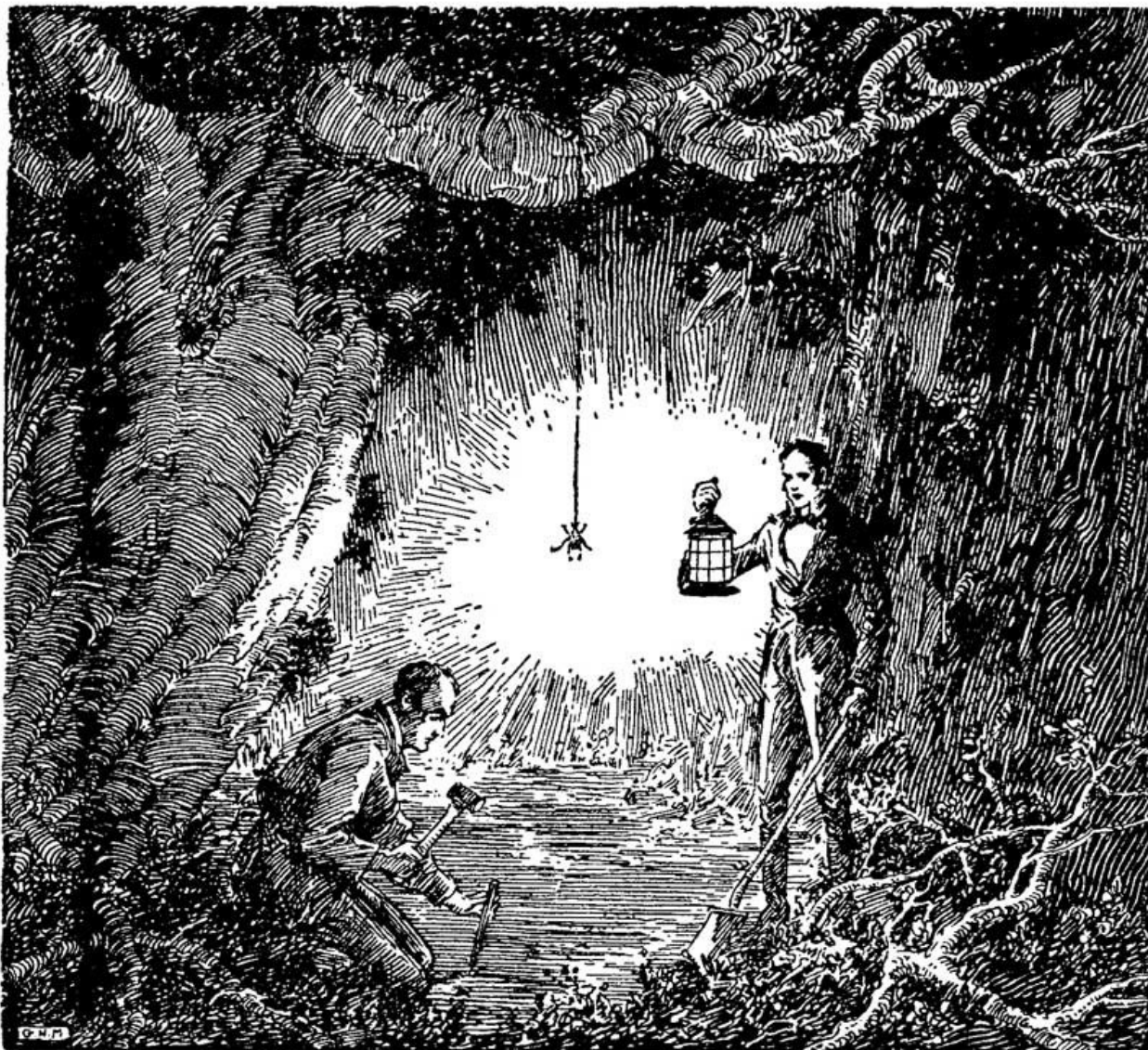
названий. Но где усики, о которых вы говорили?

– Усики! – сказал Легран, который, как казалось, без причины горячился по поводу данного предмета, – я уверен, вы должны видеть усики. Я сделал их такими же явственными, как у настоящего жука, и я думаю этого вполне достаточно.

– Хорошо, хорошо, – сказал я, – быть может, вы сделали их – но все же я их не вижу.

И я протянул ему бумагу, не прибавив ничего больше, ибо не желал окончательно вывести его из себя; все же я был очень озадачен оборотом дела; я был ошеломлен его дурным настроением – что же касается жука, то, положительно, на рисунке не было видно усиков, а общий вид насекомого имел очень большое сходство с мертвой головой.

Он взял обратно свою бумагу с очень недовольным видом и готов был скомкать ее, очевидно, чтобы бросить в огонь, когда случайный взгляд, брошенный им на рисунок, как казалось, внезапно приковал его внимание. В один миг лицо его сильно покраснело – потом страшно побледнело. В течение нескольких минут он продолжал подробно изучать рисунок. Наконец он встал, взял со стола свечу и отправился в самый отдаленный конец комнаты, где уселся на корабельном сундуке. Здесь он снова начал с взволнованным любопытством рассматривать бумагу, поворачивая ее во все стороны. Он ничего не говорил, однако, и его поведение весьма изумляло меня; но я считал благоразумным не обострять возраставшей его капризности каким-либо замечанием. Вдруг он вынул из бокового кармана портфель, бережно положил туда бумагу и, спрятав все в письменный стол, запер его на ключ. Теперь он сделался спокойнее в своих манерах, но прежний восторженный вид утратил напрочь. Однако, он казался не столько сердитым, сколько сосредоточенным. Чем более надвигался вечер, тем более и более погружался он в мечтательность, из которой никакая моя живость, ни шутка не могла его вывести. У меня было намерение провести ночь в хижине, как это часто случалось раньше, но, видя настроение, в котором находился мой хозяин, я счел за лучшее распрощаться с ним. Он не сделал никакого движения, чтобы удержать меня, но, когда я уходил, пожал мне руку даже более сердечно, чем обыкновенно.

Прошло около месяца после этого (и за это время я ничего не слышал о Легране), как вдруг в Чарльстоне меня посетил его слуга, Юпитер. Я никогда не видал старого доброго негра таким расстроенным и испугался, не случилось ли с моим другом какого-либо серьезного несчастья.

– Ну, как, Юпи? – сказал я, – что нового? Как поживает ваш господин?

– Сказать правду, масса, ему совсем не так хорошо, как могло бы быть.

– Нехорошо! Мне очень прискорбно слышать это. На что же он жалуется?

– Вот то-то и оно! – он никогда не жалуется ни на что, а все же он очень болен.

– Очень болен, Юпи! – что же вы не сказали мне этого сразу? Он в

постели?

– Нет, не то, если б он лежал – его нигде не найти – вот тут-то душе и больно. Сильно мое сердце беспокоит бедный масса Вилль...

– Юпитер, я хотел бы понять хоть сколько-нибудь то, о чем вы говорите. Вы сказали, что хозяин ваш болен. Разве он не сказал вам, что у него болит?

– Ах, масса, совсем напрасно ломать себе голову над этим – масса Вилль говорит, что с ним все в порядке – почему же он бродит тогда взад и вперед, задумавшись, смотря себе под ноги, повесив голову и подняв плечи, а сам – белый, как гусь? И потом, он все возится с цифрами.

– Что он делает, Юпитер?

– Возится с цифрами и выписывает их на грифельной доске – да такие чудные, что я и не видел никогда. Скажу, вам, это начинает меня пугать. За ним нужен глаз да глаз. Тут вот, на днях он сбежал от меня до зари и пропал весь Божий день. Я нарочно вырезал хорошую палку, чтобы проучить его хорошенько, когда он вернется – только я, дурак, не мог решиться – такой он был жалкий на вид.

– Как?.. Проучить?.. Ну, да после всего, я думаю, вам не следует быть слишком строгим с беднягой. Уж не бейте его, Юпитер, пожалуй, он и не вынесет этого – однако можете ли вы установить, что вызвало его недуг или, вернее, эту перемену с ним? С ним случилась какая-нибудь неприятность с тех пор, как я не видал нас?

– Нет, масса, после того дня ничего страшного не случилось – боюсь, это случилось раньше – как раз в тот день, когда вы были там.

– Как? Что вы хотите сказать?

– Да вот, масса, хочу сказать про жука – вот и всё.

– Про что?

– Про жука – уверен я, твердо уверен, что масса Вилль был укушен куда-нибудь в голову этим золотым жуком.

– Какое же основание у вас, Юпитер, для этого предположения?

– Клешней довольно, масса, и вдобавок еще рот. Никогда я не видывал такого чертовского жука – он толкается ногами и кусает все, что ни приближается к нему. Масса Вилль поймал его скоро, да тотчас же и выпустил. Скажу вам – тогда-то он и был укушен. Рот у этого жука – вот что мне не нравится более всего. Сам я потому пальцами взять его не захотел, а в кусочек бумажки поймал, которую нашел. Завернул его в бумагу и кусочек засунул ему в рот – вот как было дело.

– И вы думаете, что ваш господин действительно был укушен жуком, и что он захворал от укуса?

– Я ничего не думаю об этом – я знаю это. Что же его тогда постоянно заставляет видеть во сне золото, ежели это не из-за того, что золотой жук его укусил? Я уж и раньше слышал об этих золотых жуках.

– Но откуда вы знаете, что ему снится золото?

– Откуда я знаю? Потому что он говорит об этом во сне – вот откуда я это знаю.

– Хорошо, Юпи, может быть вы и правы, но какой счастливой случайности я обязан чести вашего сегодняшнего посещения?

– О чем это вы, масса?

– У вас какое-нибудь поручение ко мне от мистера Леграна?

– Нет, масса, у меня нет какого-нибудь поручения, а вот есть это письмо, – и Юпитер вручил мне записку, в которой было следующее:

«Мой дорогой! —

Отчего я не видал вас так долго? Надеюсь, вы не были настолько безрассудны, чтобы обидеться на некоторую мою резкость; но нет, это, конечно, невероятно.

За то время, что я не видал вас, у меня было много причин для беспокойства. Мне нужно сообщить вам нечто, но не знаю, как вам это сказать, и даже нужно ли вообще говорить.

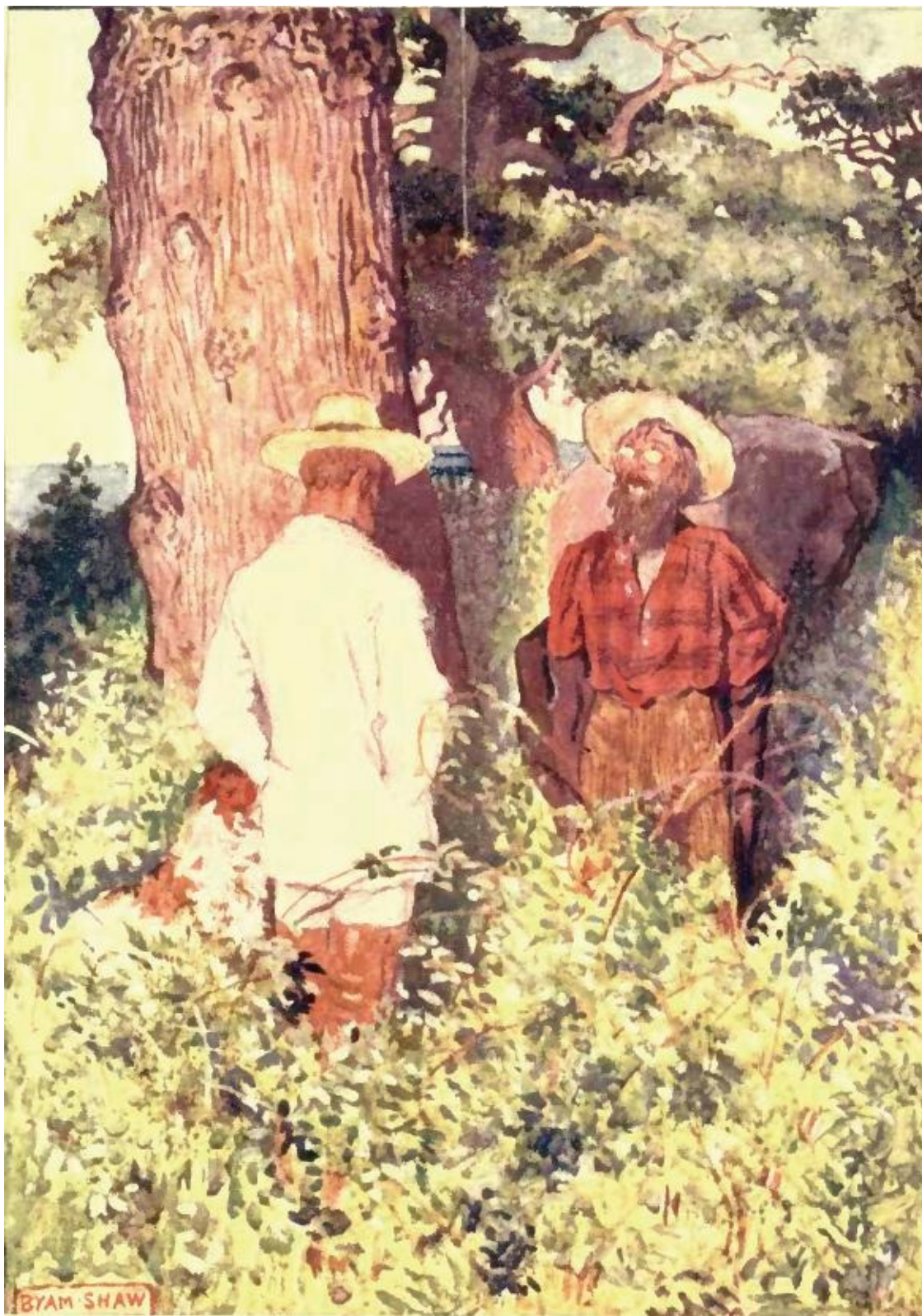
В течение нескольких дней я был не совсем здоров, и мой бедный старик Юпи надоедал мне, почти до нестерпимости, своими добрыми заботами. Поверите ли? – на днях он принес огромную палку, дабы наказать меня за то, что я улизнул от него и провел день *solus*, в полном одиночестве, среди холмов на материке. И поистине я думаю, что только мой больной вид спас меня от палочных ударов.

С тех пор как мы не виделись, я не прибавил ничего нового к своей коллекции.

Если вы можете, устройтесь каким-нибудь образом и приходите сюда с Юпитером. Приходите. Я хочу видеть вас сегодня же вечером, по очень важному делу. Уверяю вас, что дело это величайшей важности. —

Всегда ваш,

Вильям Легран».

В гоне этой записки было что-то, что заставило меня беспокоиться. Весь ее стиль совершенно отличался от обычной манеры Леграна. О чем

мог он мечтать? Какая новая причуда овладела его легко возбуждающимся мозгом? Какое такое «дело величайшей важности» могло у него быть? Рассказ Юпитера не предвещал ничего доброго. Я боялся, что постоянное давление несчастий в конце концов расстроило разум моего бедного друга. Потому, не колеблясь ни минуты, я стал собираться, чтобы сопровождать негра.

Придя к берегу, я заметил косу и три лопаты, по-видимому, совершенно новые, лежавшие на дне лодки, в которой мы должны были отплыть.

– Что все это значит, Юпи? – спросил я.

– Это коса для него, масса, и лопаты.

– Совершенно верно; но зачем они тут?

– Косу и лопаты масса Вилль велел купить мне для него в городе. И черт знает сколько за них денег я должен был дать.

– Но во имя всего таинственного, что же ваш «масса Вилль» хочет делать с этими косами и лопатами?

– А уж этого-то я не знаю, и черт меня побери, если он сам это знает. Но это все пришло от жука.

Видя, что мне ничего не добиться от Юпитера, вся мысль которого, казалось, поглощена была «жуком», я шагнул в лодку и развернул парус. С попутным сильным ветром мы быстро вошли в небольшой залив к северу от крепости Моультри и, сделав переход мили в две, пришли к хижине.

Было около трех часов пополудни, когда мы прибыли. Легран ждал нас в сильном нетерпении. Он сжал мне руку с нервной стремительностью, которая встревожила меня и подтвердила мои уже возникшие опасения. Лицо его было бледно даже до призрачности, и его запавшие глаза сверкали неестественным блеском. После некоторых вопросов касательно его здоровья я спросил его, не зная, о чем лучше заговорить, получил ли он жука от лейтенанта Г.

– О, да, – ответил он, сильно покраснев, – я взял его обратно на следующее же утро. Ни за что теперь не расстанусь я с этим скарабеем. Знаете, Юпитер совершенно прав относительно него!

– Каким образом? – спросил я с дурным предчувствием в сердце.

– Предполагая, что это жук из настоящего золота.

Он сказал это с видом такой глубокой серьезности, что я почувствовал себя невыразимо угнетенным.

– Этот жук составит мою фортуна, – продолжал он с торжествующей улыбкой, – ему предназначено восстановить меня в моих фамильных владениях. Удивительно ли поэтому, что я так дорожу им? Если судьба

сочла за нужное даровать мне его, мне нужно только надлежащим образом им воспользоваться, и я достигну золота, указателем которого он является. Юпитер, принеси мне этого скарабея!

– Что! Жука, масса? Не очень-то мне хочется трогать его – возьмите-ка уж его себе сами.

Тогда Легран встал с серьезным и торжественным видом и принес мне насекомое из-под стеклянного колпака, под которым оно находилось. Это был красивый скарабей, в то время совершенно еще неизвестный естествоиспытателям – с научной точки зрения, конечно, большая ценность. У него было два круглых черных пятна на одном конце спины, и другое, более продолговатое, ближе к другому краю. Надкрылья были особенно тверды и глянцевиты и были очень похожи на блестящее золото. Вес насекомого был весьма примечательный и, принимая все это в соображение, я не мог слишком осуждать Юпитера за его мнение касательно жука; но что касается того, что Легран был согласен с этим мнением, почему он его разделял, я никоим образом не мог бы этого сказать.

– Я послал за вами, – начал он каким-то высокоторжественным тоном, когда я кончил рассматривать жука. – Я послал за вами, чтобы спросить вашего совета и помощи для исполнения предначертаний Провидения и жука.

– Мой дорогой Легран, – воскликнул я, прерывая его, – вы, наверное, нездоровы и вам нужно было бы принять какие-нибудь меры. Ложитесь в постель, а я останусь с вами несколько дней, пока вы не поправитесь. У вас жар и...

– Пощупайте мой пульс, – сказал он.

Я пощупал его пульс и, по правде сказать, не нашел никакого признака жара.

– Но вы можете быть больны и без жара. Позвольте мне хоть раз подать вам настоятельный совет. Прежде всего лягте в постель. Затем...

– Вы ошибаетесь, – прервал он, – мне хорошо, насколько это может быть при том возбуждении, в каком я нахожусь. Если вы действительно желаете мне блага, то вы захотите облегчить это возбуждение.

– А как это сделать?

– Очень просто. Юпитер и я, мы отправляемся в некоторую экспедицию в холмы, на материк, и в этой экспедиции нам понадобится помощь такого лица, на которое мы можем вполне положиться. Вы единственный, кому мы доверяем. Удастся ли нам это, нет ли, но то возбуждение, которое вы видите во мне, во всяком случае утихнет.

– Я очень хочу служить вам во всем, – ответил я, – но можете ли вы сказать, имеет ли этот дьявольский жук какое-либо отношение к вашей экспедиции в холмы?

– Да, имеет.

– В таком случае, Легран, я не могу принять участия в столь нелепом предприятии.

– Мне жаль – очень жаль – так как нам придется предпринять это одним.

– Попытаться предпринять это одним! Человек этот поистине безумен! – но постойте! – сколько времени вы думаете отсутствовать?

– Вероятно, всю ночь. Мы выйдем сейчас же и возвратимся во всяком случае с восходом солнца.

– А можете ли вы обещать мне вашу честь, что, когда пройдет ваш каприз, и дело с жуком (Господи Боже мой!) будет улажено к вашему удовольствию, вы вернетесь домой и будете в точности следовать моим советам, как если бы я был вашим врачом?

– Да, я обещаю; а теперь идем, ибо нам нельзя терять времени.

С тяжелым сердцем я последовал за моим другом. Мы вышли около четырех часов – Легран, Юпитер, собака и я. Юпитер взял с собой косу и лопаты, которые он захотел непременно нести сам, как мне показалось, больше из боязни отдать один из этих инструментов своему господину, чем от избытка усердия или услужливости. Он был зол и упрям до крайности, и единственные слова, которые вырвались у него во время всей этой прогулки, были: «Этот проклятый жук!» Что касается меня, мне! были поручены два потайных фонаря, между тем как Легран удовольствовался скарабеем, который был привязан к концу бечевки; он крутил ее, размахивая ею взад и вперед, пока шел, с видом заклинателя. Когда я заметил этот последний признак безумия моего друга, я с трудом мог удержаться от слез. Я думал, что во всяком случае лучше потакать его капризу, по крайней мере теперь, или до тех пор, пока я не смогу принять какие-либо более энергичные меры с надеждой на успех. Между тем я старался, но совершенно напрасно, выпытать у него, какова цель нашей экскурсии. После того как ему удалось убедить меня сопровождать его, он, казалось, не хотел поддерживать разговора о чем-нибудь менее важном, и на все мои вопросы не удостоивал меня другим ответом, кроме как: «Мы это увидим!»

Мы пересекли на ялике бухту у крайнего выступа острова и, взобравшись на высоту противоположного берега материка, направились к северо-западу через местность страшно дикую и пустынную, где не видно

было следов человеческой ноги. Легран шел очень решительно, останавливался изредка то тут, то там для того, чтобы сообразоваться с некоторыми, как казалось, его собственными вехами, поставленными им здесь раньше.

Мы шли так приблизительно около двух часов, и солнце как раз заходило, когда мы вошли в область еще более мрачную, чем та, какую мы когда-либо доселе видели. Это было что-то вроде плоскогорья, вблизи вершины почти недоступного холма, покрытого густым лесом сверху донизу; там и сям в беспорядке были рассеяны огромные глыбы, они лежали, по-видимому, непрочно, и нередко должны были бы упасть вниз в долину, если бы их не задерживали деревья, в которые они упирались. Глубокие овраги вились во всех направлениях и придавали этой картине характер еще более мрачной торжественности.

Природная площадка, до которой мы карабкались, густо заросла кустами терновника, через них (мы увидели это тотчас) нам было бы невозможно пробраться без косы; и Юпитер, под руководством своего господина, стал прочищать для нас дорожку к подножию исполински высокого тюльпанного дерева, которое возвышалось среди восьми или десяти дубов, находившихся на одном с ним уровне, и намного превосходило их, а также и все другие деревья, которые я до того времени видел, красотой листвы и формы, широким распространением своих ветвей и общим величественным видом. Когда мы приблизились к дереву, Легран обернулся к Юпитеру и спросил его, по силам ли ему на него взобраться. Бедный старик, казалось, был слегка ошеломлен этим вопросом и несколько мгновений ничего не отвечал. Наконец, он приблизился к огромному стволу, медленно обошел его кругом и осмотрел с тщательным вниманием. Когда он окончил свое исследование, он сказал просто:

– Да, масса, Юпи еще не видел за свою жизнь дерева, на какое он не мог бы взобраться.

– Так взбирайся, и скорее, а то скоро совсем стемнеет, и нам ничего не будет видно.

– Как высоко нужно мне влезть, масса? – спросил Юпитер.

– Взбирайся сначала по главному стволу, а потом я скажу тебе, куда направиться – послушай – стой! Возьми этого жука с собою.

– Жука, масса Виль! – Золотого жука! – воскликнул негр, пятясь назад в страхе, – для чего мне нужно брать жука на дерево? Да будь я проклят, если я это сделаю!

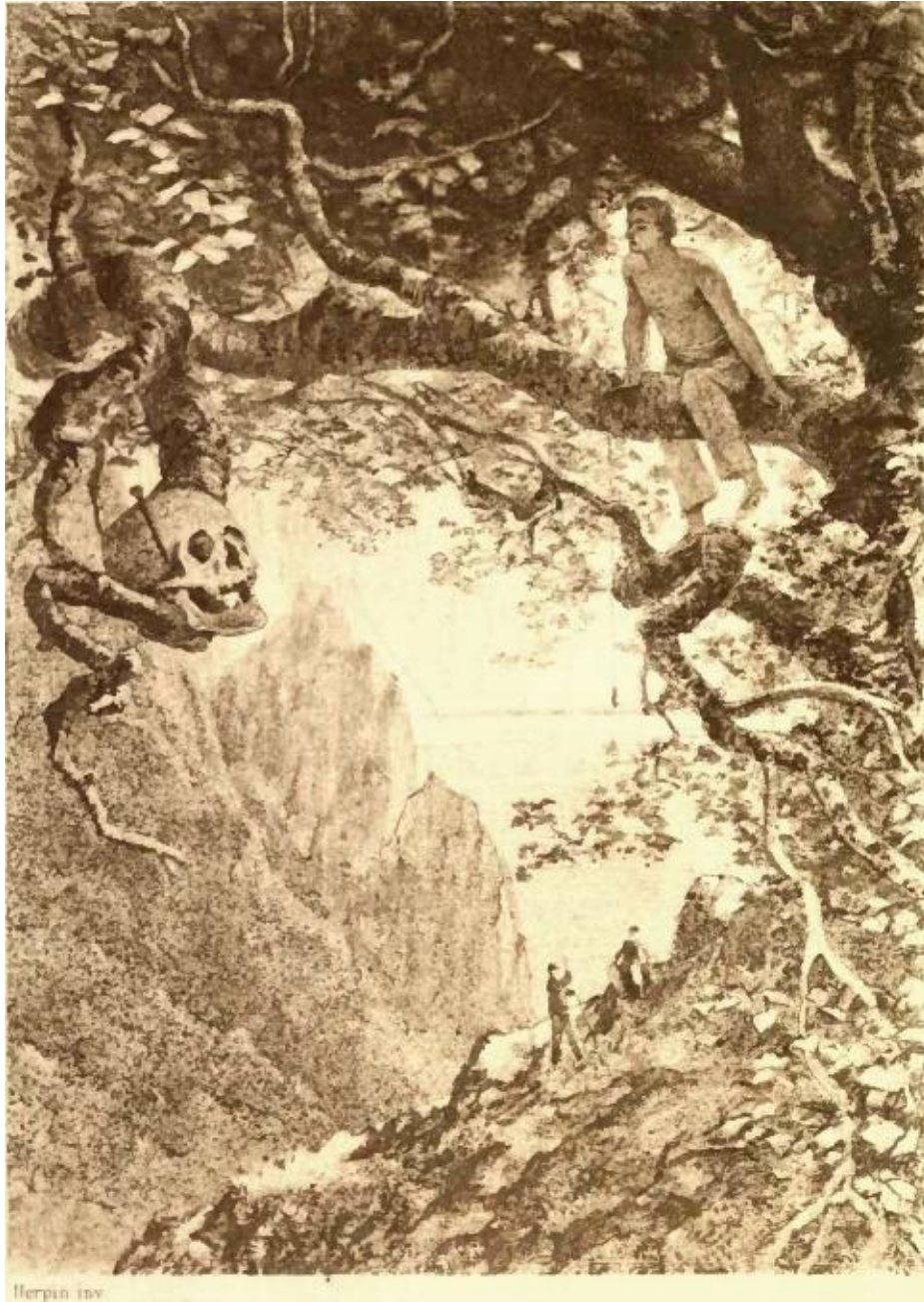
– Если ты, Юпи, большой-пребольшой негр, боишься взять в руку безвредного маленького мертвого жука – что ж, ты можешь держать его на

бечевке – но если ты не возьмешь его с собой так или иначе, я буду принужден размозжить тебе голову вот этой лопатой.

– Что же тут разговаривать, масса? – сказал Юпи, очевидно, пристыженный до согласия, – всегда вам нужно поднять шум, когда вы говорите со старым негром. Пошутил ведь я только. Мне – бояться жука! Буду я думать о жуке!

Тут он осторожно взялся за самый крайний конец бечевки и, держа насекомое так далеко от своей особы, как только это позволяли обстоятельства, приготовился влезать на дерево.

В юном возрасте тюльпанное дерево, *Liriodendron Tupiliferum*, самое великолепное из американских лесных деревьев, имеет ствол необычайно гладкий и нередко поднимается на большую высоту без боковых ветвей; но с годами кора его делается неровной и сучковатой, ибо на стволе появляется множество коротких ветвей. Таким образом, в данном случае взобраться на него казалось более трудным, нежели это было на самом деле. Обхватывая огромный ствол насколько возможно плотнее руками и коленями, придерживаясь руками за одни выступы и становясь босыми ногами на другие, Юпитер после одной или двух неудачных попыток, едва-едва не свалившись, вскарабкался, наконец, на первое большое разветвление и, казалось, считал, что все дело по существу уже закончено. Риск этого свершения действительно теперь миновал, хотя все же влезавший находился на высоте шестидесяти или семидесяти футов от земли.

– В какую мне теперь сторону двигаться, масса Вилль? – спросил он.

– Следуй по самой толстой ветви – по той, что с этой стороны, – сказал Легран.

Негр повиновался ему сразу: по-видимости, он лез лишь с малыми затруднениями, поднимаясь все выше и выше, пока наконец совсем нельзя было различить его мелькавшую скорчившуюся фигуру среди густой листвы, закрывавшей его. Теперь его голос был слышен словно издалека:

– Сколько еще мне нужно лезть дальше?

– Как высоко ты находишься? – спросил Легран.

– Так высоко, – отвечал негр, – что могу видеть небо над верхушкой дерева.

– Не занимайся небом, а слушай внимательно, что я тебе скажу. Посмотри вниз на ствол и сосчитай сучья, которые находятся под тобой с этой стороны. Сколько сучьев ты миновал?

– Раз, два, три, четыре, пять – подо мною пять толстых сучьев с этой стороны.

– Тогда поднимись еще на один сук выше. Через несколько минут снова послышался голос, возвещавший, что седьмой сук был достигнут.

– Теперь, Юпи, – вскричал Легран, видимо, сильно взволнованный, – я бы хотел, чтобы ты продвинулся по этому суку вперед, насколько только ты сможешь. Если ты увидишь что-нибудь необыкновенное, дай мне знать.

За это время то маленькое сомнение, которое я еще старался сохранить относительно сумасшествия моего бедного друга, оставило меня окончательно. Я не мог не сделать заключения, что он поражен безумием, и начинал серьезно беспокоиться о том, как бы увести его домой. Покуда я раздумывал, что лучше предпринять, голос Юпитера послышался снова.

– Очень страшно продвигаться дальше по этому суку – он весь до конца сухой.

– Ты говоришь, что это сухой сук, Юпитер? – вскричал Легран дрожащим голосом.

– Да, масса, он сух, как дверной гвоздь – пропащее дело – тут уж жизни нет никакой.

– Боже мой, Боже мой, что же мне делать? – спросил Легран, по-видимому, в большой тревоге.

– Что делать? – сказал я, обрадованный случаем вставить слово, – вернуться домой и лечь спать. Пойдем теперь – будьте добрым товарищем. Становится поздно, и притом вспомните ваше обещание.

– Юпитер, – закричал он, не обращая на меня ни малейшего внимания, – ты слышишь меня?

– Да, масса Вилль, я слышу вас все так же ясно.

– Тогда попробуй дерево твоим ножом и посмотри, может быть, сук не очень гнилой.

– Гнилой, масса, препорядочно гнилой, – ответил через несколько мгновений негр, – но не настолько уж гнилой, как мог бы быть. Могу попытаться пройти немножко дальше по суку один – это вернее.

– Один! – Что ты хочешь сказать?

– Да что же – я говорю о жуке. Ужасно тяжелый этот жук. Если бы я

его бросил, тогда сук выдержал бы, не ломаясь, как раз вес одного негра.

– Вот чертов плут, – воскликнул Легран, повидимому, с облегчением, – что ты хочешь сказать этим вздором? Если ты только бросишь жука, я сверну тебе шею. Смотри же, Юпитер, ты слышишь меня?

– Да, масса, никакой нет надобности кричать таким манером на бедного негра.

– Хорошо! теперь слушай! – если ты решишься пойти по суку вперед, не рискуя, так далеко, как только ты сможешь, и не бросишь жука – я подарю тебе серебряный доллар тотчас же, как ты слезешь.

– Иду, иду, масса Вилль – вот я уж тут, – ответил весьма поспешно негр, – я почти что на самом конце теперь.

– На самом конце! – пронзительно прокричал Легран. – Ты хочешь сказать, что ты на самом конце этого сука?

– Скоро буду на конце, масса, – о-о-о-о-ох! Господи Боже мой! Что это тут на дереве!

– Ну, – закричал Легран с великой радостью, что такое?

– Да ничего – только тут череп – кто-то оставил свою голову здесь на дереве, и вороны склевали все мясо до кусочка.

– Череп, ты говоришь! – хорошо – как о прикреплен на суку? – как он на нем держится?

– Хорошо держится, масса; нужно посмотреть. Очень это удивительно, честное слово – тут большой толстый гвоздь в черепе, он-то его и удерживает на дереве.

– Хорошо, Юпитер, сделай все так, как я скажу – ты слышишь?

– Да, масса.

– Теперь будь внимателен! – найди левый глаз у черепа.

– Гм! Гу! вот хорошо! тут совсем нет левого глаза.

– Будь проклята твоя глупость! Можешь ты отличить свою правую руку от левой?

– Да, знаю – все это я знаю – моя левая рука та, которой я надрезал дерево.

– Наверное! ты левша; и левый твой глаз с той же стороны, как твоя левая рука. Теперь, я думаю, ты можешь найти левый глаз на черепе, или то место, где находился левый глаз. Нашел ты его?

Здесь последовала продолжительная пауза. Наконец, негр спросил:

– Левый глаз черепа с той же стороны, как и левая рука его? – потому что у черепа совсем нет руки, ни чуточки – да это ничего! Я нашел теперь левый глаз – тут вот левый глаз! что мне с ним делать?

– Пропусти через него жука настолько, насколько достанет веревка. Но

будь осторожен, не выпусти его из рук.

– Все это сделано, масса Вилль; очень простая вещь – пропустить жука через дырку – посмотрите на него снизу, как он там!

В продолжение этой беседы Юпитера совсем не было видно; но жук, которого он опускал, был теперь виден на конце бечевки и блестел, как шарик полированного золота в последних лучах заходящего солнца, из коих некоторые еще слабо освещали возвышенность, на которой мы стояли. Скарабей свисал совершенно четко с ветвей и, если бы ему было предоставлено упасть, он упал бы к нашим ногам. Легран немедленно же взял косу и расчистил кругообразное пространство в три или четыре ярда в диаметре, как раз под насекомым, и, окончив это, приказал Юпитеру отпустить бечевку и спускаться с дерева.

Воткнув с большой точностью деревянный клин в землю в то самое место, куда упал жук, мой друг вынул из своего кармана землемерную ленту. Прикрепив один конец ее к тому краю ствола, который был ближе к деревянному клину, он развертывал ее, пока она не достигла клина, и продолжал дальше развертывать ее в направлении, уже определенном двумя точками – дерева и клина, на протяжении пятидесяти футов – между тем как Юпитер косою расчищал терновник. В точке, которую он нашел таким образом, был вбит второй клин, и вокруг него, как центра, был начертан грубый круг, около четырех футов в диаметре. Взяв теперь сам лопату и дав одну лопату Юпитеру, а другую мне, Легран попросил нас приняться за копание возможно скорее.

Сказать правду, у меня никогда не было особенного вкуса к подобному удовольствию, а в этом частном случае я бы весьма желал избежать его совсем, ибо ночь уже надвигалась, и я чувствовал большую усталость от всех усилий, которые уже были сделаны; но я не видел никакого способа избежать этого и боялся своим отказом расстроить душевное равновесие моего бедного друга. Если бы я мог, на самом деле, рассчитывать на помощь Юпитера, у меня не было бы колебания, и я попытался бы увести сумасшедшего домой силой; но я слишком хорошо знал характер старого негра, чтобы надеяться на его помощь при каких бы то ни было обстоятельствах в случае личного столкновения с его господином. У меня не было сомнения, что этот последний был заражен одним из неисчислимых суеверий Юга касательно зарытых кладов, и что его выдумка была подкреплена этой находкой скарабея, или, быть может, даже упрямым утверждением Юпитера, что это «жук из настоящего золота».

Ум, склонный к безумию, вполне мог поддаться подобным влияниям – особенно, если они согласовались с его излюбленными предвзятыми мыслями – и потом я вспомнил речь бедняги относительно того, что этот жук есть «указатель его фортуны». В целом, я был сильно огорчен и обеспокоен, но под конец решил примириться с необходимостью – копать с доброй волей и таким образом поскорее убедить мечтателя, с полной наглядностью, в иллюзорности его мечтаний.

Фонари были зажжены, и мы принялись за работу с усердием, достойным более разумной цели; и когда свет упал на наши фигуры и орудия, я не мог не подумать о том, какую живописную группу мы представляли, и какой странной и подозрительной показалась бы наша работа кому-нибудь, кто случайно наткнулся бы на нас.

Мы рыли очень стойко часов около двух. Мало было говорено, и главным нашим затруднением был лай собаки, которая относилась с

непомерным интересом к тому, что мы делали. Под конец лай этот сделался настолько громким, что мы стали бояться, что он может привлечь сюда каких-нибудь бродяг, находящихся поблизости; или, скорее, это было большим опасением Леграна; что касается меня, я был бы обрадован всяким вмешательством, которое дало бы мне возможность увести беспокойного странника домой. Наконец, лай был успешно заглушён Юпитером, который, выскочив из ямы, с самым решительным видом связал морду собаки одной из своих подтяжек и затем вернулся, торжествующе посмеиваясь, к своей работе.

Когда истекло положенное время, мы достигли глубины пяти футов, но и теперь не было никакого признака клада. Последовала большая пауза, и я начал надеяться, что фарс кончен. Меж тем Легран, хотя, по-видимому, очень обескураженный, отер лоб, задумчиво взял свою лопату и начал снова. Мы изрыли уже весь круг в четыре фута в диаметре, а теперь слегка расширили границу и пошли еще далее на два фута в глубину.

Тем не менее ничего не появлялось. Искатель золота, которого я искренно жалел, выкарабкался, наконец, из ямы и с горькой безнадежностью, запечатленной в каждой черте его лица, стал медленно и неохотно надевать свою куртку, которую он снял перед началом работы. Я между тем не делал никакого замечания. Юпитер, по знаку своего господина, начал собирать орудия. Окончив это и развязав собаку, мы направились к дому в глубоком молчании.

Мы сделали, может быть, около двенадцати шагов в этом направлении, как вдруг Легран, с громкими проклятиями, бросился на Юпитера и схватил его за шиворот. Негр, пораженный, открыл глаза и рот во всю их ширину, уронил лопаты и упал на колени.

– Ты негодяй, – сказал Легран, шипя и выталкивая каждый слог сквозь стиснутые зубы, – Ты адский черный мерзавец! – говори, приказываю я тебе! – отвечай мне тотчас же, без уловок! – который – который твой левый глаз?

– Ах, Боже мой, масса Вилль! разве не это мой левый глаз? – возопил испуганный Юпитер, прижимая руку к правому своему зрительному органу и придерживая его с отчаянным упрямством, как будто в предчувствии неминуемой опасности, что господин его попытается выбить ему глаз.

– Я так и думал! – я знал это! ура! – выкликнул Легран, выпустив негра и проделывая разные прыжки и курбеты к великому изумлению своего слуги, который, встав с колен, молча переводил взгляд со своего господина на меня и потом с меня на своего господина.

– Пойдем! мы должны вернуться, – сказал последний, – игра еще не

проиграна, – и он опять направился по дороге к тюльпанному дереву.

– Юпитер, – сказал он, когда мы достигли подножия его, – пойдя сюда! был череп пригвожден на суку лицом вверх или же лицом к ветви?

– Лицо было кверху, масса, так что вороны могли выклевывать глаза без всякой помехи.

– Хорошо, а через этот или через тот глаз ты пропустил жука?

Здесь Легран потрогал один, потом другой глаз Юпитера.

– Это был вот этот глаз, масса, – левый глаз – как вы мне сказали, – и тут негр указал на свой правый глаз.

– Хорошо, – мы должны, значит, начать снова. Здесь мой друг, в безумии которого я увидел, или думал, что вижу, некоторые указания на метод, переставил деревянный клин, отмечавший точку, куда упал жук, в другое место на три дюйма к западу от первого его положения. Разложив теперь землемерную ленту от ближайшей точки ствола к клину, как и раньше, и продолжая укладывать ее по прямой линии на протяжении пятидесяти футов, он нашел некоторую точку на расстоянии нескольких ярдов от того места, где мы копали.

Вокруг новой точки был теперь очерчен круг немного шире, чем раньше, и мы вновь принялись работать лопатами. Я был ужасно истомлен, но, едва отдавая себе отчет, что произвело перемену в моих мыслях, я не чувствовал больше такого отвращения к навязанной мне работе. Я был необъяснимо заинтересован – более того, даже возбужден. Может быть было что-то во всем экстравагантном поведении Леграна – род какого-то провидения или обдуманности, что производило на меня впечатление. Я копал с жаром и время от времени действительно ловил себя на том, что тружусь с чем-то похожим на ожидание воображаемого клада, призрак которого свел с ума несчастного моего товарища. В то время как фантастические мысли вполне охватили меня, и когда мы работали, быть может, уже около полутора часов, мы вновь были прерваны громким воем собаки. Ее беспокойство, в первом случае, очевидно, бывшее проявлением шаловливости или каприза, приобрело более резкий и серьезный характер. На вторичную попытку Юпитера завязать ей морду, она выказала яростное сопротивление и, прыгнув в яму, стала бешено копать землю своими когтями. Через несколько секунд она раскопала массу человеческих костей, которые образовали два полных скелета, перемешанных с несколькими металлическими пуговицами и с чем-то, что казалось сгнившей, обратившейся в пыль, шерстяной материей. Один или два взмаха лопаты подняли на поверхность лезвие большого испанского ножа и, когда мы стали копать дальше, показались три или четыре золотые и серебряные

монеты.

При виде этого Юпитер с трудом мог сдержать свою радость, но лицо его господина выражало величайшее разочарование. Все же он попросил нас продолжать наши старания и, едва он произнес эти слова, как я споткнулся и упал вперед, попав носком сапога в большое железное кольцо, которое наполовину утопало в рыхлой земле.

Мы снова ревностно принялись за работу, и никогда не проводил я десяти минут в таком напряженном возбуждении. В продолжение этого промежутка времени мы целиком откопали продолговатый деревянный сундук, который, судя по его полной сохранности и удивительной твердости, был, вероятно, подвергнут какому-нибудь минерализующему процессу, быть может применению двухлористой ртути. Сундук этот был трех с половиной футов длины, трех футов ширины и двух с половиной футов глубины. Он был плотно скреплен полосами из кованого железа, заклепанными и являвшими своего рода решетку. С каждой стороны сундука ближе к крышке было по три железных кольца – всего навсего шесть – ухватившись за которые, его могли бы крепко держать шесть человек. Наши крайние соединенные усилия лишь дали нам возможность сдвинуть его в его ложе. Мы тотчас увидели невозможность поднять такой большой груз. По счастью, единственно чем придерживалась крышка, были два выдвигаемые засова. Мы вытащили их, дрожа и задыхаясь от напряженного беспокойства. В одно мгновение клад неисчислимой ценности, сверкая, лежал перед нами. Когда свет фонаря упал в яму, из нее от беспорядочной кучи золота и драгоценностей брызнул яркий блеск, который совершенно ослепил наши глаза.

Я не буду пытаться описывать чувства, с которыми я смотрел. Величайшее удивление было, конечно, господствующим. Легран казался истощенным от возбуждения и проговорил только несколько слов. Лицо Юпитера в течение нескольких минут было смертельно бледным, насколько только это возможно по природе вещей, то есть, насколько лицо негра может побледнеть. Оно казалось ошеломленным – он был как пораженный громом. Наконец, он упал на колени в яме и, засунув голые руки по локоть в золото, оставался так, как бы наслаждаясь роскошеством ванны. Наконец, с глубоким вздохом он воскликнул, как бы обращаясь к самому себе:

– И все это пришло от золотого жука! от красивого золотого жука! от бедного маленького жука, а я-то его бранил самым поносным образом! И тебе не стыдно за себя, негр? – отвечай-ка мне!

Наконец, сделалось необходимым, чтобы я разбудил и хозяина и слугу

и указал им, что нужно унести клад. Становилось уже поздно, и нам надлежало приложить усилия, дабы мы могли отнести всё домой до рассвета. Было трудно сказать, что нужно было сделать, и много времени было потеряно на обсуждения – так спутаны были мысли у всех. Наконец, мы разгрузили сундук, вынув две трети содержимого, и тогда нам удалось, хотя с некоторым трудом, вытащить его из ямы. Вынутые вещи мы положили в кусты, и сторожить их была оставлена собака, которой Юпитер приказал ни под каким предлогом не трогаться с места и не открывать рта, пока мы не вернемся. Затем мы с сундуком поспешно направились к дому; благополучно, хотя и страшно усталые, мы достигли хижины в час ночи. Мы были так утомлены, что было бы не в человеческих силах сейчас же продолжать работу. Мы пробыли дома до двух и поужинали; после чего вновь отправились к холмам, взяв с собой три крепких мешка, которые, по счастью, нашлись под рукой. Немного раньше четырех мы прибыли к яме, разделили между собой по возможности поровну остальную добычу и, оставив яму незасыпанной, снова отправились к дому, где вторично сложили нашу золотую ношу как раз тогда, когда первые слабые лучи зари засветились на востоке над вершинами деревьев.

Мы были теперь совершенно разбиты; но напряженное возбуждение, овладевшее нами, не давало нам отдохнуть. После беспокойного сна в продолжение трех или четырех часов мы поднялись, как будто бы сговорившись, чтобы осмотреть сокровища.

Сундук был полон до краев, и весь день и большую часть следующей ночи мы внимательно изучали его содержимое. Там не было ничего похожего на порядок или распределение. Все было навалено как попало. Тщательно разобрав все, мы увидели себя обладателями богатства большего даже, чем мы предполагали это сначала. Монетами было гораздо более, чем четыреста пятьдесят тысяч долларов – оценивая их насколько возможно точно по курсу того времени. Серебра во всем этом не было вовсе. Все было золото Старого времени и очень разнообразное – французские, испанские и немецкие монеты, с несколькими английскими гинееями и несколькими монетами, каких раньше нам никогда не приходилось видеть. Там было несколько больших тяжелых монет таких стертых, что мы совсем не могли разобрать на них надписей. Американских денег там не было. Оценить стоимость драгоценностей нам было гораздо труднее. Тут были бриллианты – некоторые из них необыкновенно большие и красивые – сто десять в общем, и маленького ни одного; восемнадцать рубинов замечательного блеска; триста десять изумрудов, все очень красивые; и двадцать один сапфир, с одним опалом.

Эти камни были все выломаны из своей оправы и брошены в беспорядке в сундук. Сами же оправы, которые мы отделили от другого золота, казалось, были сплющены молотком, как будто для того, чтобы не быть узанными. Кроме всего этого там было большое количество украшений из цельного золота: около двухсот массивных колец и серег; великолепных цепочек – числом тридцать, насколько я припомню; восемьдесят три очень тяжелых и больших распятия; пять золотых кадилниц, большой цены; огромная золотая чаша для пунша, разукрашенная богато вычеканенными виноградными листьями и вакхическими фигурами; две рукоятки мечей превосходной рельефной работы и много других более мелких вещей, которых я припомнить не могу. Вес всех этих ценностей превышал триста пятьдесят английских фунтов; и в эту смету я не включил еще сто девяносто семь чудесных золотых часов, из коих трое стоили каждые по пятисот долларов. Некоторые из них были очень стары и негодны, как счетчики времени, ибо их ход пострадал более или менее от ржавчины – но все они были богато разукрашены камнями и находились в оправе большой ценности. В эту ночь мы оценили все содержимое сундука в полтора миллиона долларов; а после вторичного пересмотра драгоценностей и украшений (некоторые мы оставили для себя лично) мы нашли, что еще очень низко оценили клад.

Когда, наконец, мы окончили наш осмотр, и напряженное возбуждение несколько улеглось, Легран, видя, что я горю нетерпением разрешить эту необыкновеннейшую загадку, подробным образом рассказал мне все обстоятельства, связанные с ней.

– Вы помните, – сказал он, – ту ночь, когда я показал вам грубый набросок скарабея, который я сделал. Вы помните также, что я был очень обижен на вас за то, что вы утверждали, будто мой рисунок походит на мертвую голову. Когда вы в первый раз сделали это замечание, я подумал, что вы шутите; но потом я вспомнил странные пятнышки на спине жука и допустил, что ваше замечание действительно имело некоторое основание. Все же насмешка над моими рисовальными способностями раздражила меня – так как я считаюсь порядочным художником – и потому, когда вы протянули мне кусок пергамента, я был готов скомкать его и с гневом бросить в огонь.

– Кусок бумаги, хотели вы сказать, – сказал я.

– Нет; в нем было большое сходство с бумагой, и сначала я так и думал, но, когда я начал рисовать на этом куске, я увидел сейчас же, что это кусок очень тонкого пергамента. Как вы помните, он был совершенно грязен. Хорошо. Когда я готов был уже скомкать его, мой взгляд упал на

рисунок, который вы рассматривали, и вы можете себе представить мое удивление, когда я действительно увидел изображение мертвой головы как раз на том самом месте, где, как мне показалось, я нарисовал жука. Первое мгновение я был слишком изумлен, чтобы думать правильно. Я знал, что мой рисунок в мелочах очень отличался от этого – однако, тут было некоторое сходство в общих очертаниях. Тогда я взял свечу и, усевшись в другом конце комнаты, стал рассматривать пергамент более тщательно. Перевернув его, я увидел мой собственный рисунок на обратной стороне точно таким, как я его сделал. Первым моим чувством было теперь простое удивление, вызванное действительно замечательным сходством общих очертаний – странным совпадением, заключающимся в том неизвестном для меня факте, что тут был череп на обратной стороне пергамента, как раз под моим изображением скарабея, и что череп этот не только очертанием, но и размером мог так точно походить на мой рисунок! Я говорю, что странность этого совпадения на мгновение совершенно ошеломила меня. Это обычное действие таких совпадений. Ум старается установить соотношение – последовательность причины и следствия – и, будучи бессилён сделать это, подвергается неизвестного рода временному параличу. Но когда я опомнился от этого оцепенения, во мне постепенно зародилось убеждение, которое поразило меня даже гораздо более, чем самое совпадение. Я точно и ясно начал припоминать, что рисунка не было на пергаменте, когда я делал мой набросок скарабея. Я совершенно уверился в этом, ибо припомнил, что сначала я повернул его на одну, потом на другую сторону, ища более чистого места. Если бы череп был там, конечно, я не преминул бы заметить его. Тут действительно была какая-то тайна, и я чувствовал, что ее невозможно изъяснить; но даже в этот самый миг мне показалось, что в самых отдаленных и тайных уголках моего ума слабо засветилось подобное мерцанию светляка представление об истине, которое приключением прошедшей ночи было приведено к такому блестящему разрешению. Я немедленно встал и осторожно убрал пергамент, отложив все дальнейшие размышления до тех пор пока не буду один.

Когда вы ушли и Юпитер крепко заснул, я предался более методичному исследованию этого дела. Прежде всего я стал соображать, каким образом пергамент попал в мои руки. То место, где мы нашли скарабея, было на берегу материка, около мили на восток от острова и лишь в небольшом отстоянии над уровнем прилива. Когда я поймал его, он жестоко меня укусил, что заставило меня выпустить его. Юпитер, с обычной ему осторожностью, прежде чем схватить насекомое, которое полетело по направлению к нему, посмотрел вокруг себя, ища листа или чего-либо в этом роде, чем бы взять его. В это самое время взгляд его, так же как и мой, упал на кусок пергамента, который я принял за бумагу. Он лежал наполовину зарытый в песок, один уголок торчал наружу. Около того места, где мы нашли его, я заметил обломки судна, которое, по видимости,

было длинной корабельной лодкой. Как казалось, обломки лежали тут с очень давнего времени, ибо в них с трудом можно было усмотреть сходство с лодочными ребрами.

Хорошо. Юпитер поднял пергамент, завернул в него жука и отдал его мне. Вскоре мы направились обратно к дому и по дороге встретили лейтенанта Г. Я показал ему насекомое, и он попросил у меня позволения взять его к себе в крепость. Я согласился; он сунул его в свой жилетный карман, без пергамента, в котором тот был завернут и который я продолжал держать в руке моей, пока он рассматривал жука. Может быть, он опасался, что я передумаю и счел, прежде всего, за наилучшее увериться в добыче – вы знаете, как восторженно он относится ко всему, что касается естественной истории. В то же самое время, совсем бессознательно, я, должно быть, положил пергамент в мой собственный карман.

Вы помните, что, когда я подошел к столу, намереваясь сделать рисунок жука, я не нашел бумаги там, где она обыкновенно лежала. Я заглянул в ящик и там не нашел ничего. Я пошарил у себя в карманах, в надежде найти какое-нибудь старое письмо, когда рука моя наткнулась на пергамент. Я так точно и так подробно описываю способ, которым он попал в мое обладание, ибо все эти обстоятельства произвели на меня особенно сильное впечатление.

Без сомнения, вы сочтете меня за мечтателя – но я уже установил род соотношения. Я соединил два звена большой цепи. Лодка, лежащая на берегу, и неподалеку от нее пергамент – не бумага – с черепом, нарисованным на нем. Вы, конечно, спросите: «Где тут соотношение?» Я отвечу, что череп или мертвая голова, это – хорошо известная эмблема пиратов. Флаг с мертвой головой поднят во всех морских схватках.

Я сказал вам, что то был пергамент, а не бумага. Пергамент вещь прочная – почти не гибнущая. Дела маловажные редко препоручают на хранение пергаменту; ибо для простого обыкновенного рисунка или писания он далеко не так удобен, как бумага. Эта мысль внушила мне некоторые предположения – доводы для составления заключений о мертвой голове. Я также не преминул заметить форму пергамента. Несмотря на то, что один из его углов был уничтожен какой-либо случайностью, можно было видеть, что первоначальная его форма была продолговатая. Это был один из таких свитков, который мог быть выбран для меморандума – для записи чего-нибудь такого, что не должно было быть забыто и что надлежало тщательно сохранить.

– Но, – прервал я, – вы говорите, что черепа не было на пергаменте, когда вы делали набросок жука. Как же вы устанавливаете какое-либо

соотношение между лодкой и черепом – если этот последний, по вашему собственному уверению, был нарисован (Бог весть как и кем), после того как вы сделали ваш набросок скарабея?

– А! вокруг этого-то и вертится вся тайна; хотя в данном пункте мне сравнительно нетрудно было получить разъяснение. Путь мой был верен и мог привести лишь к одному отдельному результату. Я рассуждал, например, так: когда я рисовал скарабея, черепа не было видно на пергаменте. Когда я кончил рисунок и передал его вам, я внимательно наблюдал за вами, пока вы переворачивали его. Вы, поэтому, не могли нарисовать черепа, а другого никого не было, чтобы сделать это. Значит, это не было сделано с человеческой помощью, и тем не менее это было сделано.

Но, дойдя до этого пункта моих размышлений, я постарался припомнить и вспомнил, с полной ясностью, все малейшие обстоятельства, которые имели место в упомянутое время. Погода была холодная (о, редкое и счастливое событие!), и огонь горел в очаге. Я был разгорячен прогулкой, и сел около стола. Вы же придвинули стул вплотную к камину. Как раз когда я вложил пергамент в вашу руку, и когда вы собрались рассматривать его, вбежал Вольф, – ньюфаундлендская собака, – и прыгнул вам на плечи. Лево́й рукой вы ласкали его и отстраняли, между тем как вашу правую руку, держащую пергамент, вы уронили небрежно между ваших колен и в непосредственной близости от огня. Одно мгновение я думал, что пламя охватило его, и хотел уже предостеречь вас, но, прежде чем я успел заговорить, вы приблизили его к себе и начали вновь рассматривать. Когда я обсудил все подробности, я ни минуты не колебался, что влияние тепла вызвало на свет Божий тот череп на пергаменте, который я видел нарисованным на нем. Вы хорошо осведомлены, что с незапамятных времен существуют химические препараты, при посредстве которых возможно писать на бумаге или пергаменте так, что буквы делаются видимыми только тогда, когда их подвергнуть действию тепла. Иногда употребляется цафра, растворенная в aqua regia^[2] и разбавленная в четырехкратном количестве воды сравнительно со своим весом; в результате получаются чернила зеленого цвета. Королек кобальта, растворенный в нашатырном спирте, дает красный цвет. Эти цвета пропадают более или менее скоро, после того как материал, на котором пишут, остынет, но опять делаются видимыми при нагревании.

Я снова стал рассматривать мертвую голову с большим тщанием. Внешние ее очертания – очертания рисунка наиболее близкие к краям пергамента – были гораздо более явственны, чем другие. Было очевидно,

что действие тепла было несовершенно или неровно. Я тотчас же зажег огонь и подверг каждую часть пергамента действию сильного жара. Сначала единственным результатом было усиление бледных линий черепа. При продолжении опыта на углу узкой полосы, противоположной, по диагонали, тому месту, где была начерчена мертвая голова, появилось изображение чего-то, что я сначала принял за козу. При более тщательном исследовании я убедился, однако, что тут было намерение изобразить козленка.

– Ха, ха! – сказал я, – конечно, я не имею права смеяться над вами – полтора миллиона монет слишком серьезная вещь, чтобы шутить – но вы не сможете установить третье звено в нашей цепи – вы не найдете никакого особенного соотношения между вашими пиратами и козами – пираты, как вы знаете, не имеют ничего общего с козами; это больше касается фермеров.

– Но я вам не сказал, что это была фигура козы.

– Ну, хорошо, козленок – но это почти что то же самое.

– Почти что, но не совсем, – сказал Легран. – Вы, быть может, слышали о некоем капитане Кидде. Я тотчас же стал смотреть на изображение животного, как на род игры слов или иероглифической подписи^[3]. Я говорю – подпись; потому что положение животного на пергаменте внушало эту мысль. Мертвая голова в углу, противоположном по диагонали, имела также вид клейма или печати. Но я был огорчен отсутствием всего остального – самого тела моего воображаемого инструмента – текста для моего воображаемого документа.

– Я полагаю, вы надеялись найти письмо между штемпелем и подписью?

– Что-нибудь в этом роде. Дело в том, что я почувствовал себя под неудержимым впечатлением предчувствия какой-то огромной удачи, которая вот уже рядом. Мне трудно сказать, почему. Быть может, в конце концов, это было скорее желанием, нежели действительной верой; но, знаете ли, глупые слова Юпитера о том, что жук – из чистого золота, имели удивительное действие на мое воображение. И потом этот ряд совпадений – они были такие необыкновенные. Заметили ли вы, что все это случилось в тот самый единственный из всего года день, в который было или могло быть настолько холодно, что нужно было затопить, и что без огня или без содействия собаки, в тот самый миг, в который она появилась, я никогда не узнал бы о мертвой голове и никогда не сделался бы обладателем клада.

– Но продолжайте – я весь горю нетерпением.

– Хорошо. Вы слышали, конечно, множество разных рассказов – тысячу смутных слухов относительно кладов, зарытых где-то на берегу Атлантики Киддом и его сообщниками. Эти слухи должны были иметь какое-либо основание в самой действительности. И то, что эти слухи существовали так долго и были такими постоянными, могло проистекать, как мне казалось, лишь из того обстоятельства, что клад оставался схороненным. Если бы Кидд на время только спрятал свою добычу и потом взял ее обратно, эти слухи вряд ли дошли бы до нас в настоящей их неизменной форме. Заметьте, что все, рассказы говорят об искателях золота, а не о нашедших золото. Если бы пират взял обратно свои деньги, этим все дело было бы исчерпано. Мне кажется, что какой-нибудь случай – скажем, потеря записи, указывающей местонахождение клада – лишил его возможности отыскать клад, и что это происшествие сделалось известным его товарищам, которые иначе не могли бы ничего знать о спрятанном клада и которые совершенно напрасно старались его найти, ибо не имели руководства, и это все распространило данные слухи, которые стали теперь такими известными. Слыхали ли вы когда-нибудь о каком-либо значительном клада, отрытом на берегу?

– Никогда.

Но Киддом было скоплено чрезвычайно много, это хорошо известно. Я был потому уверен, что земля донныне хранит эти сокровища; и вряд ли вы будете удивлены, если я скажу вам, что я испытывал надежду, которая граничила с уверенностью, что пергамент, найденный при столь странных обстоятельствах, заключал в себе утраченную запись местонахождения клада.

– Но как же вы поступили дальше?

– Я снова поднес пергамент к огню, после того как увеличил жар; но ничего не появлялось. Возможно, подумал я, что слой грязи на нем был причиной неудачи; итак, я осторожно сполоснул пергамент теплой водой и, сделав это, положил его в жестяную кастрюлю, черепом вниз, и поставил ее в печь с раскаленными углями. Через несколько минут, когда кастрюля была основательно нагрета, я вынул свиток и, к моей несказанной радости, нашел, что он был накраплен в различных местах тем, что, как казалось, было цифрами, расположенными по строкам. Опять я положил его в кастрюлю и оставил его так еще на некоторое время. Когда я вынул его, весь он был такой, каким вы видите его теперь.

Здесь Легран, вновь награв пергамент, представил мне его для осмотра. Следующие знаки были грубо начерчены красными чернилами между мертвой головой и козленком:

; 4826)4;)4Г); 806*; 48+ 8 ||6O))85;; 8*;;*8 + 83 (Щ 5*
+;4б(;'88*96*?;8)*Г (;485); 5*+2: *+(; 4956*2 (5*=4)8 ||8*;
4069285);)6 + 8) 4 ||; 1 09; 48081; 8: 8|1; 48 + 85; 4) 485 + 528806*
81 (;9;48; <88;4('?34;48)

– Но, – сказал я, возвращая ему свиток, – я в таких же потемках, как и раньше. Если бы все сокровища Голконды^[4] ожидали меня за разрешение этой загадки, я вполне уверен, что не был бы способен получить их.

– И однако же, – сказал Легран, – разгадка отнюдь не так трудна, как это может нам представиться при первом беглом взгляде на письма. Эти знаки, как каждый легко может догадаться, составляют шифр, – то есть в них может скрыто известное значение: но по тому, что известно о Кидде, я не могу считать его способным построить более или менее сложную тайнопись. Я с самого начала подумал, что эта запись – из простейших образцов – все же такая, что она должна была казаться грубому уму матроса совершенно неразрешимой без ключа.

– И вы действительно разрешили ее?

– Легко; я разрешал другие, в тысячу раз более отвлеченные. Обстоятельства и известные склонности ума заставили меня интересоваться такими загадками, и весьма можно сомневаться, способна ли человеческая изобретательность построить такого рода загадку, которую человеческая находчивость, при правильном применении, не могла бы разрешить. Действительно, установив сначала связь и удобочитаемость знаков, я едва ли даже и думал о трудности разоблачения их смысла.

В данном случае – так же впрочем, как и во всех других случаях тайнописи – первый вопрос касается языка шифра; ибо принципы разрешения, раз дело идет лишь о простых шифрах, зависят здесь особенно от своеобразного характера каждого языка, и им они видоизменяются. Вообще, здесь нет иного выбора, как последовательно испытывать один язык за другим, пока не будет найден надлежащий. Но в шифре, нас интересующем, всякая трудность была устранена подписью. Игра слов Kidd и kid не могла быть ни в каком другом языке, кроме английского. Без этого соображения я начал бы свою пробу с испанского и французского, как с языков, на которых скорее всего могла быть записана тайна такого рода пиратом испанского происхождения. В данном случае я предположил, что тайнопись была английской.

Как вы можете заметить, здесь нет разделений между словами. Если бы они были разделены, задача сравнительно была бы легкой. В этом случае я бы начал с сопоставления и анализа самых коротких слов, и если бы попалось слово из одной буквы, как это часто бывает (местоимение «я» и союз «и», например), я считал бы загадку разрешенной. Но так как там не было разделений, моим первым шагом было определить господствующие буквы, так же как и те, которые встречаются наиболее редко. Сосчитав все, я построил следующую таблицу:

Знак 8 повторяется 34 раза

"; 27 раз
" 4 " 19 "
") " 16 "
" # " 15 "
" * " 14 "
" 5 " 12 "
" 6 " 11 "
" + " 8 "
" 1 " 7 "
" 0 " 6 "
9 и 2 " 5 "
«: и " 4 раза
"? " 3 "
«]] " 2 "
" =и] " 1 раз.

В английском языке буква, которая встречается чаще всего, есть e.

Потом они идут в такой последовательности: a, o, /, d, h, n, r, s, t, и, y, c, f, g, l, m, w, b, k, p, q, x, z. А е так особенно главенствует, что редко можно встретить отдельную, сколько-нибудь длинную фразу, в которой оно не было бы господствующей буквой.

Хорошо. Теперь мы имеем в самом начале основание для чего-то большего, чем простая догадка. Общее пользование таблицей может быть применено вполне ясно – но в этом особенном шифре мы только отчасти будем прибегать к ее помощи. Так как наш господствующий знак 8, мы начнем с того, что возьмем его – как е обыкновенной азбуки. Чтобы проверить это предположение, посмотрим, часто ли 8 встречается дважды подряд, так как е дублируется очень часто в английском – например, в таких словах, как meet, fleet, speed, seen, been, agree и т. д. В данном случае мы видим это повторение не менее пяти раз, несмотря на то, что криптограмма очень короткая.

Возьмем же 8, как е. Изю всех слов в речи «the» самое употребительное; посмотрим, следовательно, не найдем ли мы повторения каких-нибудь трех знаков в тождественном порядке сочетания, чтобы последний из них был 8. Если мы найдем повторения этих знаков, так расположенных, они, по всей вероятности, составят артикль «the». По рассмотрении, мы находим не менее, чем семь таких сочетаний, знаки эти —;48. Мы можем поэтому предположить что; означает t, 4 означает A и 8 означает e – последнее вполне подтверждено. Это большой шаг вперед.

Но, установив одно отдельное слово, мы можем установить еще более важный пункт, т. е. различные начала и окончания других слов. Возьмем, например, последний случай – тот, в котором сочетание;48 встречается недалеко от конца шифра. Мы знаем, что знак;, непосредственно следующий за 8, есть начало какого-нибудь слова, а из шести знаков, следующих за этим «the», мы знаем не менее пяти. Заменяем эти знаки изображающими их буквами, которые мы уже знаем, оставив место для неизвестных знаков:

t. eeth

Тут мы должны будем сразу отделить «th», которое не может составлять части слова, начинающегося первым t; ибо, пробуя по порядку буквы всей азбуки в применении к пробелу, мы видим, что никакое слово не может быть образовано, у которого это. th было бы окончанием. Таким образом, мы сосредоточиваемся на

t. ee

и, вновь как раньше перебирая, если это нужно, азбуку, мы доходим до слова «tree» (дерево), как единственного подходящего. Таким образом, мы получаем другую букву, г, изображаемую знаком (, и можем прочитать уже несколько слов: «the tree».

Встречая немного дальше эти же слова, мы вновь видим сочетание знаков;48 и берем его как окончание того, что непосредственно предшествует ему. Таким образом, мы имеем следующее расположение:

the tree; 4 ++? 34 the

Заменяв обыкновенными буквами знаки, которые нам уже известны, читаем это так:

the tree thr ++? 3h the

Теперь, если мы на месте неизвестных нам букв оставим пробелы или заменим их точками, мы читаем следующее:

the tree thr... h the

– слово «through» делается очевидным тотчас же. Но это открытие дает нам три новые буквы – o, и и g, изображенные в криптограмме ++? и 3.

Внимательно отыскивая теперь в шифре сочетание известных нам знаков, мы находим недалеко от начала следующее сочетание:

83 (88

или «egree», которое, конечно, есть окончание слова «degree» (степень; градус) и которое дает нам другую букву d, изображаемую знаком +.

Четырьмя буквами далее за словом «degree» мы видим сочетание:

; 48 (; 88*

Переводя известные знаки, а неизвестные изображая точками, как раньше, мы читаем следующее:

th.rtee

– сочетание, которое тотчас внушает слово «thirteen» (тринадцать), и опять дает нам две новые буквы (и я, обозначаемые как 6 и *).

Обратившись теперь к началу тайнописи, мы находим сочетание: 53++
+

Переводя как раньше знаки, мы получаем: .good

– что удостоверяет нас, что первая буква есть A и что первые два слова суть «A good» (хороший). Теперь пора нам расположить наш ключ, поскольку он открыт, в порядке таблицы, чтобы избежать путаницы. Это будет так:

5 означает a

+ " d
8 " e
3 " g
4 " h
6 " i
* " n
f " o
(" r
;" t

Таким образом, мы имеем не менее десяти наиболее употребительных букв, и бесполезно было бы продолжать дальнейшее изображение подробностей разгадки. Я достаточно сказал, чтобы убедить вас, что шифр такого рода может быть легко разрешен, и чтобы дать вам некоторое понимание способа его развития. Но будьте уверены, что образчик, находящийся перед нами, принадлежит к простейшим образцам тайнописи. Теперь остается только дать вам полный перевод знаков на пергаменте в том виде, как они разгаданы. Вот они:

«A good glass in the Bishop's hostel in the Devil's seat – twenty-one degrees and thirteen minutes – i northeast and by north – main branch seventh limb east side – shoot from the left eye of the death's-head – a bee-line from the tree through the shot fifty feet out».
[Хорошее стекло в доме епископа на чертовом стуле двадцать один градус и тринадцать минут к северо-востоку и на север главная ветвь седьмой сук восточная сторона стреляй сквозь левый глаз мертвой головы по прямой линии от дерева навьлет пятьдесят футов.]

– Но, – сказал я, – загадка, по-видимому, в таком же плохом положении, как и до сих пор. Как! возможно исторгнуть какой-нибудь смысл из всего этого жаргона о «чертовых стульях», «мертвых головах» и «домах епископа»?

– Согласен, – ответил Легран, – что дело это все еще кажется серьезным, если на него смотрят беглым взглядом. Моей первой заботой было угадать естественное разделение фразы, которое разумел тайнописец.

– Вы говорите, поставить знаки препинания?

– Что-нибудь в этом роде.

– Но как было возможно сделать это?

– Я подумал, что это был намеренный умысел пишущего – поставить слова эти вместе без разделений, дабы таким образом увеличить трудность разгадки. Но не слишком утонченный человек, в преследовании такой цели, почти наверняка перейдет меру. Когда в ходе его работы он подходит к перерыву в содержании, который, конечно, будет требовать паузы или точки, он будет иметь чрезмерную склонность в этом самом месте ставить буквы ближе друг к другу, чем обыкновенно. Бели вы станете рассматривать манускрипт, то здесь вы легко найдете пять случаев такого рода необыкновенно тесного писания. Опираясь на такое указание, я сделал разделение следующим образом:

«A good glass in the Bishop's hostel in the Devil's seat – twenty-one degrees and thirteen minutes – northeast and by north – main branch seventh limb east side – shoot from the left eye of the death's head – a bee-line from the tree through the shot fifty feet out».
[Хорошее стекло в доме епископа на Чертовом стуле – двадцать один градус и тринадцать минут – к северо-востоку и на север – главная ветвь седьмой сук восточная сторона – стреляй сквозь левый глаз мертвой головы – по прямой линии от дерева на вылет пятьдесят футов.]

– Все же и при таком разделении, – сказал я, – я остаюсь в потемках.

– Я также был несколько дней в потемках, – сказал Легран. – В продолжение этого времени я усердно расспрашивал в окрестностях острова Сэлливана о каком-либо здании под названием Bishop's Hostel (Дом Епископа), ибо я, конечно, не подумал о вышедшем из употребления слове «hostel» (hostel – дом)^[5]. Не получив никакого сведения по этому поводу, я почти уже готов был расширить сферу поисков и делать их более систематично, как однажды утром, совсем внезапно, меня осенила мысль,

что этот «Bishop's Hostel» мог иметь какое-нибудь отношение к какой-либо старинной фамилии по имени Bessor, которая с незапамятных времен владела старым замком около четырех миль к северу от острова. Я отправился поэтому на ту сторону к плантациям и возобновил мои расспросы среди старых негров той местности. Наконец, одна из самых старых женщин сказала, что она слыхала о таком месте, которое называлось Замок Биссопа, и что может проводить меня туда, но что это не был замок или гостиница, а высокая скала.

Я предложил хорошо заплатить ей за ее хлопоты и, после некоторого колебания, она согласилась сопровождать меня к этому месту. Мы нашли его без большого труда и, отпустив ее, я начал исследовать это место.

«Замок» состоял из беспорядочного собрания скал и утесов, один из которых особенно выделялся своей вышиной, так же как и отъединенным искусственным видом. Я взобрался на его вершину и тут почувствовал некоторое недоумение, что теперь предпринять.

Меж тем как я был погружен в размышления, мой взгляд упал на узкий выступ на восточной стороне утеса, может быть одним ярдом ниже вершины, на которой я стоял. Этот выступ выдавался на восемнадцать дюймов и был не более одного фута ширины. Углубление в утесе, как раз над ним, придавало ему грубое сходство с одним из тех стульев с вогнутой спинкой, которые были у наших предков. Я не усомнился в том, что это и был «Чертов стул», на который намекал манускрипт, и теперь мне казалось что я овладел всей тайной загадки.

«Хорошее стекло», я знал, не могло относиться ни к чему иному, как только к подозрной трубе; ибо слово «стекло» редко употребляется моряками в ' каком-либо ином смысле. Теперь я был уверен, что нужно было пользоваться подозрной трубой, и с определенной точки, не допускавшей никакого отклонения. Я не сомневался также, что выражение «двадцать один градус и тринадцать минут» и «северо-восток и к северу» означали направление для наведения «стекла». Очень взволнованный всеми этими открытиями, я поспешил домой, раздобыл подозрную трубу и возвратился к утесу.

Я спустился вниз к выступу и заметил, что держаться на нем было возможно лишь сидя в одном определенном положении. Этот факт подтвердил возникшее во мне предположение. Я стал смотреть в подозрную трубу. Конечно, «двадцать один градус и тринадцать минут» не могли относиться ни к чему иному, кроме высоты над видимым горизонтом, ибо горизонтальное направление было ясно указано словами «северо-восток и к северу». Это последнее направление я сразу установил с помощью карманного компаса; потом, наставив «стекло» приблизительно под углом в двадцать один градус высоты, насколько я мог сделать это догадкой, я стал осторожно передвигать его вверх и вниз, пока внимание мое не было остановлено круглым просветом, или отверстием, в листве большого дерева, превышавшего своих сотоварищей на всем этом пространстве. В средоточии этого просвета я заметил белую точку, но сначала не мог разобрать, что это было. Наведя фокус подозрной трубы, я опять стал смотреть, и теперь убедился, что это был человеческий череп.

При этом открытии я так возликовал, что считал загадку разрешенной; ибо слова «главная ветвь, седьмой сук, восточная сторона» могли относиться только к положению черепа на дереве, между тем как «навывает

из левого глаза мертвой головы» допускало также только одно объяснение по отношению к отыскиванию зарытого клада. Я понял, что указание повелевало пропустить пулю через левый глаз черепа, и что прямая линия, продолженная от ближайшей точки ствола «навылет» (или устремленная к месту, куда упадет нуля) и отсюда протянутая на расстояние пятидесяти футов, указала бы некоторое определенное место – и около этого-то места, как я по крайней мере полагал, возможно, что сложены спрятанные сокровища.

– Все это, – сказал я, – чрезвычайно ясно, хотя замысловато, но все же просто и понятно. Когда вы оставили Дом Епископа, что было дальше?

– Когда я тщательно заметил местоположение дерева, я вернулся домой. В тот самый миг, однако же, как я оставил «Чертов стул», круглое отверстие исчезло, и после я не мог увидеть даже признака его, как бы я ни повертывался. Что мне показалось верхом изобретательности во всем этом деле, так это тот факт (повторяя опыт, я убедился, что это было так), что круглое отверстие, о котором мы говорили, видно было лишь с одной достижимой точки, именно даваемой этим узким выступом на лицевой стороне утеса.

В этой экспедиции к «Дому Епископа» меня сопровождал Юпитер, который, без сомнения, заметил в продолжение нескольких недель мой отсутствующий вид и особенно заботился о том, чтобы не оставлять меня одного. Но на следующий день, встав очень рано, я ухитрился улизнуть от него и отправился в холмы отыскивать дерево. После больших хлопот, я нашел его. Когда к ночи я вернулся домой, мой слуга собирался меня побить. Обо всем остальном в этом происшествии, я думаю, вы осведомлены так же хорошо, как и я.

– Я полагаю, – сказал я, – вы ошиблись точкой при первой попытке сделать раскопку, благодаря глупости Юпитера, который пропустил жука через правый глаз черепа вместо левого.

– Конечно. Эта ошибка сделала разницу приблизительно в два дюйма с половиной относительно «выстрела» – то есть положения клина, ближайшего к дереву; и если бы клад находился под местом «выстрела» – ошибка была бы маловажная; но линия «выстрела», вместе с ближайшей точкой дерева был необходим для того, чтобы установить направление; конечно, ошибка, хотя и малая вначале, увеличилась по мере того, как мы продолжали линию и по истечении времени мы отошли на пятьдесят футов, что совершенно заставило нас потерять след. Но без моего глубоко засевшего убеждения, что сокровища были зарыты где-то здесь, вся наша работа оказалась бы напрасной.

– Однако все ваши пышные фразы и ваше размахивание жуком – как это было необыкновенно странно! Я был уверен, что вы сошли с ума. И почему вы настаивали на том, чтобы пропустить через череп жука вместо пули?

– Ну, говоря откровенно, я чувствовал себя несколько раздосадованным вашими явными подозрениями относительно здравого состояния моего ума и решил хорошенько наказать вас, по-своему, небольшой дозой умеренной мистификации. Поэтому я размахивал жуком, поэтому я велел спустить его с дерева. Ваше замечание относительно его веса внушило мне эту мысль.

– Да, я понимаю; а теперь остается один пункт, который интригует меня. Что нам думать о скелетах, найденных в яме?

– Это вопрос, на который я так же мало могу ответить, как и вы. Все же, мне кажется, есть только одно правдоподобное объяснение этого – и, однако, ужасно подумать о такой жестокости, которая возникает в моем воображении. Ясно, что Кидду – если это действительно Кидд схоронил этот клад, в чем я не сомневаюсь – ясно, что ему должны были помогать в его работе. Но, когда работа была окончена, он, должно быть, счел нужным удалить всех участников своей тайны. Двух ударов киркой было, может быть, достаточно, в то время как его помощники работали в яме; а может быть тут понадобилась и целая дюжина – кто скажет?

<p>All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.</p> <p>«Strelbytsky Multimedia Publishing»</p> <p>Saksaganskogo str., 58, office 8 Kiev, Ukraine, 01033</p> <p>tel. +38044 331-06-20 e-mail: dmytro.strelb@gmail.com</p>	<p>Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.</p> <p>«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»</p> <p>ул. Саксаганского, 58, оф.8 Киев, Украина, 01033</p> <p>тел. +38044 331-06-20 e-mail: dmytro.strelb@gmail.com</p>
--	---

**Електронна книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

«Massa Will», т. е. «Master William», хозяин Вильям, или господин Вильям. – К. Б.

2

Царская водка (лат.)

3

Kid (англ.) – козленок. – К. Б.

Город в Индии, богатый бриллиантами. – К. Б.

В применении к обиталищу человека зажиточного. – К. Б